

ХРОНИКА

X МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ В ИСТАМБУЛЕ

Международные конгрессы византинистов собираются периодически через каждые два-три года. В последнее время такие конгрессы проводились в Париже, Брюсселе, Палермо, Фессалонике.

X конгресс византинистов состоялся в Истамбуле 15—21 сентября 1955 г. Древняя столица Византии стала местом съезда наиболее выдающихся ученых мира, изучающих историю и блестящую культуру некогда могущественной империи. Заседания конгресса происходили в обширном, построенном в конструктивистском стиле, новом здании Истамбульского университета. На конгрессе присутствовали делегации более 20 стран Запада и Востока, в том числе — Австрии, Алжира, Англии, Бельгии, Болгарии, Германской Демократической Республики, Федеральной Республики Германии, Голландии, Дании, Египта, Израиля, Испании, Италии, Ливана, Нидерландов, СССР, США, Турции, Франции, Швейцарии, Швеции, Югославии.

К сожалению, в заседаниях конгресса не приняли участия греческие ученые, много и плодотворно работающие в области изучения социально-экономической и политической истории Византии, ее культуры и искусства.

Советские ученые участвовали в работе конгресса византинистов впервые. Советская делегация состояла из трех человек — члена-корреспондента Академии наук СССР В. Н. Лазарева, кандидата исторических наук З. В. Удадьковой и кандидата искусствоведческих наук Д. В. Сарабьянова. Появление на конгрессе советских делегатов было одобрительно встречено подавляющим большинством участников конгресса.

Работа конгресса происходила как на пленарных заседаниях, так и на заседаниях пяти секций: 1) искусства и археологии, 2) истории, 3) литературы, 4) права и 5) теологии.

На конгрессе были заслушаны многочисленные доклады. Большая часть их была посвящена узким, сугубо специальным темам; доклады, в которых бы ставились и разрешались широкие проблемы большой научной значимости, к сожалению, были редки.

Значительный интерес представлял доклад крупного болгарского ученого профессора Димитра Ангелова об аграрных отношениях в Македонии в XIV в. Труды профессора Д. Ангелова по социально-экономической истории Византии и Болгарии, а также по истории одного из крупнейших народных движений средневековья — движения богомилов пользуются заслуженной известностью в нашей стране.

Доклад профессора Димитра Ангелова на тему: „Аграрные отношения и феодальная рента в Средней и Северной Македонии в XIV в.“ представлял собой краткое изложение основных выводов обширного

труда, подготовляемого в настоящее время автором. Это ценное исследование основывается на изучении большого документального материала (грамот сербских правителей Милутина, Стефана Дечанского, Стефана Душана, местных феодальных господарей Углеша, Вылкашина, братьев Деяновичей и др.). В центре внимания автора — исследование роста и характера крупного феодального землевладения; при этом он приходит к выводу, что в Македонии XIV в. происходил интенсивный рост в первую очередь крупного монастырского землевладения. Продолжало расти и светское землевладение как крупных феодалов (властелей), так и более мелких (властеличей). В Македонии имение феодала так же, как и в Византии, состояло из двух основных частей — крестьянской и господской земли, причем господская земля в подавляющем большинстве случаев была больших размеров, чем крестьянская. Светские и церковные феодалы владели имуществом не только в деревнях, но и в городах. Далее автор переходит к исследованию характера иммунитета и феодальных привилегий в Македонии того времени и делает вывод о том, что за редким исключением монастыри обладали полным иммунитетом в своих владениях. Большое внимание уделяет профессор Д. Ангелов вопросу о положении крестьянства и его повинностях. Он проводит четкое разграничение между государственными и частновладельческими феодально-зависимыми крестьянами, известными под названием „люди“. В докладе содержалась яркая характеристика положения отдельных групп феодально-зависимого крестьянства (парики, отроки, технитарии, влахи). Значительный интерес представляют выводы автора о характере феодальной ренты. Документы той эпохи свидетельствуют о наличии в Македонии XIV в. всех трех видов феодальной ренты, но привлекает особое внимание довольно большое распространение ангарий. Автор отмечает существенные различия в формах и размерах ренты в отдельных имениях феодалов, в частности, монастырей, что было обусловлено богатством и влиянием того или иного монастыря и характером его хозяйства.

Существовали также различия в нормах ренты как для отдельных категорий феодально-зависимого крестьянства, так иногда и для крестьян одной и той же категории.

Общий вывод автора состоит в том, что в Македонии XIV в. не существовало единой для всех областей системы феодальных привилегий и феодальных повинностей, которые отличались большим разнообразием. В этом феодальный строй в Северной и Средней Македонии имел определенное сходство с феодальными отношениями того времени в других областях Балканского полуострова, входивших в состав Византии, Болгарии и Сербии.

Ценным вкладом в разработку истории поздней Византии явился доклад академика Г. А. Острогорского (Югославия), посвященный анализу новых, найденных на Афоне, документов, характеризующих финансовое положение Византийской империи в последние столетия ее существования и позволяющих определить размеры дани, уплачивавшейся Византией туркам.

Особенно значительный интерес для исследователя имеет грамота Мануила II от 29 сентября 1404 г. Димитрию Вулиоту, посылаемому в качестве императорского уполномоченного на Афон. Из нее явствует, что до недавнего времени все византийские землевладельцы, не исключая афонских монастырей, были обязаны платить в пользу турок харач. Точно так же южно-славянские и венецианские документы показывают, что в южно-славянских и албанских землях, находившихся в вассальной зависимости от турок, харач вносило все население, и от его уплаты

не освобождались даже землевладельцы, пользовавшиеся самыми широкими иммунитетными правами.

Став свободным от своих вассальных обязательств, в силу договора 1403 г., византийское правительство не освободило своих подданных от всех тягот, наложенных на них в эпоху турецкого суверенитета. Оно возвратило афонским монастырям, как и другим землевладельцам, лишь $\frac{2}{3}$ их бывших владений и освободило их от уплаты $\frac{2}{3}$ харача, тогда как $\frac{1}{3}$ харача, платившегося при султанах Баязте, взималась и далее — в пользу византийской казны. Но если крупные землевладельцы после освобождения Византии от турецкой зависимости хоть в определенной степени были восстановлены в своих правах, то для их крестьян, фактически плативших харач, в сущности ничего не изменилось. Они продолжали платить харач, внося его частично императорскому правительству, частично своему сеньору. Турецкий харач был заменен византийским харачем, не изменившим даже своего названия.

Много новых, ценных наблюдений по социально-экономической истории византийского Египта VI в., сделанных на основе изучения данных папирусов, содержалось в весьма интересном докладе австрийского ученого профессора Г. Герстингера (Грац).

Ряд докладов по вопросам социально-экономической истории Византии был прочитан на заседаниях секции права. Среди них привлекает особое внимание содержательный доклад французского ученого Луи Арманда (профессора университета в Клермон-Ферране), касающийся истории аграрных отношений в Сирии в эпоху Поздней империи. Анализируя речь Либания о патронате (Orat., XLVII), автор подчеркивает, что Либаний различает в Сирии IV в. два вида патроната: 1) когда под патронатом находится население больших деревень, земли которых разделены между многочисленными мелкими собственниками, владеющими небольшими парцеллами; 2) когда под патронатом находится население домена, зависящее от одного владельца. Профессор Луи Арманд указывает, что это деление на *loci publici*, занятые свободными крестьянами, и *loci privati*, принадлежащие частным лицам, засвидетельствовано не только законодательными и нарративными источниками той эпохи, но и подтверждается новейшими археологическими изысканиями. Дав весьма ценный анализ аграрного строя Сирии IV в., автор далее прибегает к несколько рискованным историческим параллелям, настаивая на том, что в Сирии и поныне сохраняются описанные Либанием две экономические системы и отношения патроната.

Характеристике форм землевладения во франкских государствах Греции был посвящен доклад американского ученого Питера Топпинга. Автор провел сравнительный анализ аграрных отношений во франкских княжествах Греции и греческом деспотате в Морее, выдвинув при этом тезис об устойчивости византийской системы землевладения в завоеванной крестоносцами Греции.

Израильский ученый М. Ави-Иоган (Иерусалим) сделал доклад об экономике Палестины в византийскую эпоху.

Немецкий ученый Герман Келленбенц (ФРГ, Вюрцбург) выступил в секции истории с докладом на экономическую тему, в хронологическом отношении выходящую за рамки византийской истории: был рассмотрен вопрос о международной торговле по Балтийскому торговому пути в XVII—XVIII вв. Келленбенц показал, что соперничество между Голландией и Англией в торговле с Ираном и затруднения в левантской торговле, возникавшие в результате разногласий между Турцией и Ираном, способствовали развитию торговых сношений с Востоком через При-

балтику и Россию. В установлении этих связей были заинтересованы Дания, Швеция, Гольштейн, Курляндия и особенно Россия, которая при Петре I открыла путь гамбургским купцам в Иран через свою территорию.

Несколько особняком по своей тематике стоял доклад известного немецкого византиниста Франца Дэльгера (Мюнхен) о принципах создания научной библиографии византиноведческих работ на основе опыта журнала „Byzantinische Zeitschrift“. Докладчик сообщил о некоторых пожеланиях, касающихся улучшения ведения отдела библиографии и отдела хроники в этом журнале. Кроме того, он доложил конгрессу о работе, ведущейся в настоящее время по составлению сводной библиографии византиноведческих трудов, вышедших в свет за последние пять лет (1951—1955 гг.). Профессором Ф. Дэльгером было внесено предложение заменить ее алфавитным предметным указателем к библиографическому отделу журнала „Byzantinische Zeitschrift“ за соответствующий период.

Заслуживает быть особо отмеченным то обстоятельство, что на конгрессе были довольно широко представлены доклады по истории взаимоотношений Византии со славянскими странами. Доклад профессора Анри Грегуара (Брюссель), подвергшего анализу источники по истории взаимоотношений Византии и Руси в IX—X вв., свидетельствовал о большой эрудиции автора и высокой технике исследования.

Свежие, хорошо аргументированные выводы и обильный фактический материал содержал доклад югославского историка Франьо Баришича (Белград) об осаде славянами и аvaraми Константинополя в 626 г.

В его докладе был сделан глубокий анализ письменных источников, содержащих известия об этом важном историческом событии (произведения Писиды, Феодора Синкелла, „Бревиария“ патриарха Никифора, Пасхальной хроники, хроник Феофана и Стилиды и др.).

Ф. Баришич считает поход кагана на Константинополь важным звеном общей политики авар, а не результатом совместных действий персидско-аварской коалиции. Излагая ход осады, автор вскрывает причины поражения 80-тысячной, хорошо снаряженной армии кагана. Он усматривает их в неудачной стратегии аварского командования и в этнической пестроте войск кагана (в состав его армии входили славяне, авары, болгары, гепиды и другие племена). Одной из главных причин поражения кагана Ф. Баришич считает вражду между славянами и аvaraми, вызванную пренебрежительным отношением авар к славянам, составлявшим основную массу войска. Поэтому прямым следствием поражения кагана под Константинополем, по его мнению, явились междоусобные столкновения авар и славян в 626—629 гг., о которых сообщает Писида.

В докладе профессора Александра Соловьева (Женева) вновь рассматривался сложный вопрос, привлекавший внимание многих русских исследователей, — о „византийском имени Руси“. При этом профессор А. Соловьев, на основании изучения большого лингвистического материала, проследил появление имени „Русь“ в византийских источниках и дал анализ различных его вариантов и производных. Большое место в докладе было также уделено изучению вопроса об имени *Ῥωβία* и его распространении на Руси и у средневековых западноевропейских авторов.

Французский ученый Ж. Девейк-Навакас (Париж) сделал на пленарном заседании конгресса доклад о распространении юстиниановского и послеюстиниановского права в странах Восточной Европы. По мнению докладчика, влияние греко-римского права было особенно сильно в Литве. Он считает, что из 100 статей Литовского статута 1566 г.

30 были римско-византийского происхождения. При этом профессор Девейк-Навакас явно недооценивает значение литовского обычного права в создании статута Литвы XVI в. Кроме того, оттеняя влияние статута Литвы 1588 г. на Соборное Уложение царя Алексея Михайловича (1648—1649 гг.), докладчик приходит к несколько поспешному выводу, согласно которому „римско-византийское право было источником и права московитов“. Однако сам автор доклада признает, что сравнение статута 1588 г. с римско-византийскими правовыми нормами еще не проведено. В целом в докладе явно чувствовалось стремление автора несколько преувеличить влияние греко-римского права на законодательство стран Восточной Европы.

Югославский историк Владимир Мошин (Загреб) посвятил свое интересное исследование славянской редакции менологии митрополита Константина Мокиусского. Административное устройство Далматинского архонтата было освещено в содержательном, основанном на хорошем знании источников докладе молодого югославского ученого Ядрана Ферлуги, прочитанном им на заседании секции права.

На заседании той же секции права было заслушано сообщение итальянского византиниста Антонио д'Эмиллиа о трех ответах (решениях) болгарского архиепископа первой половины XIII в. Дмитрия Хоматиана относительно права совместного наследования супругов (*αλλήλοκληρονομία*). Признавая большое историко-юридическое значение этих решений, автор вместе с тем подчеркивает, что они являлись не только отражением норм византийского права, но и местного права балканских стран.

Турецкий ученый Т. Окич (Анкара) выступил с сообщением по истории богомилов.

Алжирский ученый Мариус Канар прочитал на заседании секции истории доклад на тему: „Приключения византийского патриция в стране болгар по рассказу арабского писателя“. Исследуя труды арабского писателя X в. at-Tanûkhî, автор нашел в одном из них интересный рассказ об освобождении византийским патрищем пленного араба, жившего в Болгарии. Хотя в этом рассказе налицо фантастические и романтические элементы, он содержит вместе с тем и некоторые новые исторические сведения относительно войн Болгарии и Византии в X в.

Необходимо отметить, что наряду с ценными докладами по славянской тематике на конгрессе были представлены отдельные доклады, отражающие реакционные тенденции в разработке вопроса о взаимоотношениях Византии и славян. Так, например, в докладе немецкого ученого Эрнста Кирстена (Бонн) ясно чувствовалось стремление возродить устаревшие теории относительно славянской колонизации Балканского полуострова и ее значения. Пытаясь сузить масштабы колонизации славянами территории Византийской империи, докладчик стремился доказать, что славяне не заселяли окрестности больших крепостей, и сами эти крепости оставались в руках византийцев, иногда даже лишенных связей с империей. По мнению Кирстена, славянские по происхождению названия таких крепостей якобы еще не доказывают заселения этих мест славянами. Подобное же явление, полагает докладчик, наблюдалось и во время заселения албанцами отдельных областей Средней и Северо-Западной Греции в XIV—XV вв. Сохранение этих крепостей в руках византийцев служило, с его точки зрения, предпосылкой для „приобщения славян и албанцев к греческой культуре и церкви“.

Довольно значительное число докладов, прочитанных на конгрессе, касалось вопросов международных связей византийского государства со странами Востока и Запада.

Среди этих докладов значительный научный интерес представлял доклад французского исследователя Марена Тадена (Париж) по вопросу о том, посетили ли Грузию „славянские апостолы“ Константин (Кирилл) и Мефодий. На основании нового толкования текста из „Жития Константина“ автор доклада дает положительный ответ на этот вопрос. Свой вывод Марен Таден аргументирует тем, что в 8 главе „Жития Константина“ рассказывается о хазарском князе, осаждавшем христианский город, спасенный от разрушения благодаря вмешательству Константина. Это место „Жития Константина“ вызывало сомнения ученых, ибо трудно было согласовать враждебные действия хазарского князя по отношению к христианам с общей политикой хазарского кагана, искавшего в то время поддержки Византии в борьбе с арабами. Профессор Таден считает, что в хазарском князе, упомянутом в „Житии Константина“, следует видеть независимого от кагана князя Bougha al-Kabir'a, тюрка по происхождению. По данным грузинских хроник, летом 861 г. этот князь Bougha действительно осаждал город Тбилиси, столицу Грузии, дружественной по отношению к Византии. Сведения относительно князя Bougha, а также изучение политических и религиозных интересов империи в Закавказье привели автора к выводу о том, что „славянские апостолы“ Константин (Кирилл) и Мефодий действительно посетили в 860—861 гг. Грузию по пути в Хазарию.

Взаимоотношения Византии и Хазарии и сложная проблема крещения хазар были рассмотрены в докладе французского ученого S. Szyszmann (Париж). Исследуя проблему крещения хазар, докладчик стремился согласовать между собой две теории, существующие в науке по этому вопросу. Согласно первой теории, миссионеры, участвовавшие в крещении хазар, прибыли в Хазарию из Византии через Крым и Кавказ. Другая теория, выдвинутая советским ученым С. П. Толстовым, показывает, что обращение хазар произошло при посредстве хорезмитов. По мнению автора доклада, процесс обращения хазар имел несколько этапов и совершился в результате деятельности миссионеров различных стран.

Церковные и дипломатические связи между Константинопольским патриархатом и Римом в правление императора Юстиниана I были рассмотрены в представленном конгрессу докладе немецкого ученого Вильгельма Энслина (Вюрцбург).

Голландский ученый Г. Бланкен (Роттердам) исследовал вопрос об эмиграции греков на Запад до и после 1453 г. Первая часть его интересного сообщения содержала анализ известий разнообразных источников об эмиграции из Византии в Италию в византийскую эпоху. Г. Бланкен отметил два вида греческой эмиграции в то время: 1) бегство населения, спасавшегося от нашествия врагов; 2) переселение византийским правительством колонистов в Италию, в частности, в Лангобардию. Вторая часть доклада была посвящена изучению греческой эмиграции после турецкого завоевания, вплоть до XVIII—XX вв. Профессор Г. Бланкен изучил документальные материалы, хранящиеся в архивах Рима, Генуи, Турина, Флоренции, Палермо, Аяччо и Парижа и на основании рассмотрения многочисленных документов пришел к выводу о тяжелом положении греческих эмигрантов на новых местах жительства. Он привел свидетельство документов о стремлении греческих эмигрантов сохранить и в Италии свой язык, религию и куль-

туру. В настоящее время профессор Г. Бланкен prepares большую работу о греческих колониях в послевизантийское время на Корсике, в Сардинии, Алжире, Сицилии, Тоскане и даже в Америке.

Английский ученый Э. Д. Таппе (Лондон) заинтересовался историей греческого колледжа в Оксфорде (1695—1705 гг.) и доложил конгрессу результаты своих изысканий в английских архивах частных лиц относительно судеб этого учебного заведения.

Французский исследователь Джон Девейк-Навакас (Париж) в своем втором сообщении на конгрессе выдвинул тезис о распространении в период средневековья во многих странах Западной и Восточной Европы византийского принципа диархии, принимавшего в каждой стране свои особые, национальные формы.

Среди докладов, в которых рассматривались международные связи Византии с различными странами средневекового мира, имелись сообщения, отличавшиеся известной тенденциозностью. Так, например, испанский ученый Себастиан Цирак-Эстопанн (Барселона) поставил задачей показать в своем докладе „Турки, греки и испанцы“ исконные дружественные связи, существовавшие между Османской Турцией и католической Испанией еще с начала XVI в.

Отдельные доклады, прочитанные на конгрессе, содержали сообщения об открытии новых, доселе неизвестных в науке источников. В этом отношении выделялся доклад французской византистки М. А. Конкасти (Париж) о сделанном ею открытии в Парижской Национальной библиотеке новой рукописи „Донесений“ флорентийца Якова Тедальди, повествующих о взятии Константинополя турками. В этой рукописи, как показала М. А. Конкасти, имеются важные дополнительные сведения, отсутствующие в ранее известных списках труда Тедальди и расширяющие наши познания о событиях 1453 г. Большой интерес представляет украшающая рукопись миниатюра XV в., на которой изображена осада Константинополя турецкими войсками.

Новые ценные сведения по исторической географии и топонимике Пелопоннеса в XIII—XV вв. были использованы в докладе известного французского исследователя истории средневекового Пелопоннеса профессора Антуана Бона (Монпелье).

Английский ученый В. Фрэнд (Кембридж) на заседании секции истории сделал весьма интересное сообщение о новых эпиграфических открытиях в Малой Азии. В докладе был дан анализ надписи, недавно открытой в Сульменли (Центральная Фригия), относящейся к *cursus publicus* в Поздней Римской империи. Содержание документа отражает длительную борьбу, происходившую в III в. между двумя фригийскими деревнями из-за размера ангарий, которыми была обязана каждая деревня. Надпись дает возможность не только ознакомиться с размерами ангарий, выполняемых в III в. фригийскими крестьянами, но и уточняет наши представления об организации местной администрации во Фригии; кроме того, эпиграфический памятник сообщает некоторые дополнительные сведения по исторической географии этой провинции в эпоху Поздней Римской империи.

Анализ новых данных источников о посольстве в Вену в 1460—1461 гг. византийского ученого и политического деятеля XV в. Виссариона Никейского был сделан в сообщении австрийского ученого профессора П. К. Энепекидеса (Вена). Профессор П. К. Энепекидес обнаружил в Государственном архиве Вены и в Венской национальной библиотеке девять документов, относящихся ко времени пребывания в Вене кардинала Виссариона. Среди этих документов имеются жало-

ванные грамоты церквам и монастырям Вены, Винер-Нейштадта, Зальцбурга и других мест. Обнаруженные документы важны для изучения истории австрийской, главным образом венской церкви.

Тот же автор представил конгрессу еще один доклад об открытом им в Государственном архиве Вены документе, содержащем завещание последнего претендента на византийский престол Андрея Палеолога от 7 апреля 1562 г. По мнению автора, этот документ проливает некоторый дополнительный свет на судьбы династии Палеологов после падения Византийской империи.

Английский ученый А. Джонс (Кэмбридж) рассмотрел в своем докладе послание императора Гонория к испанской армии. Послание это было изучено автором по недавно открытой новой рукописи IX в. Сохранность рукописи, как показал докладчик, в целом хорошая, однако в ней имеются некоторые повреждения и лакуны. Профессор А. Джонс в своем исследовании пытается полностью восстановить первоначальный текст послания императора Гонория, содержащий, повидимому, извещение о прибытии в Испанию *magister militum*, обещания об увеличении жалования и перечисление других „милостей“, даруемых войнам испанской армии.

Тот же автор на заседании секции истории сделал еще одно сообщение, вносящее хронологические уточнения в разработку истории Восточной Римской империи IV в. На основании анализа известий современников, в частности, Афанасия, профессор Джонс пришел к выводу о том, что в Кодексе Феодосия перепутаны даты двух законов: одного, адресованного на имя префекта претория Востока Филиппа в 353 г., и другого — на имя Сильвана в 349 г. Докладчик доказывает ошибочность даты закона 353 г. на основании того, что, по свидетельству других источников, Флавий Филипп, префект претория Востока, умер во второй половине 351 г. А. Джонс предлагает поменять местами даты этих двух законов, и тогда, по его мнению, будет восстановлена точная хронология. Проверка и уточнение дат Кодекса Феодосия данными других современных ему источников поможет, как полагает автор, разрешению ряда сложных проблем, встающих при изучении этого законодательного памятника.

Анализу некоторых статей Кодекса Феодосия было также посвящено представленное конгрессу сообщение французской византистки Эмили Демужо (Тулуза). В своем докладе Э. Демужо остановилась на вопросе об упорном сопротивлении язычников, особенно в Сирии и Палестине, церковной политике императора Феодосия II в 20-х годах V в.

Французский ученый К. Маринеско (Париж) доложил на заседании секции истории о результатах своих разысканий в королевском архиве Арагона и в историческом архиве Барселоны. В этих архивах им были обнаружены новые документы, касающиеся политики византийских императоров Мануила II и Константина XI Палеолога по отношению к Испании. Документы свидетельствуют о наличии в XV в. политических и экономических связей между Византийской империей, с одной стороны, Каталонией и королевством Арагон, с другой.

Английский ученый Э. Д. Таппе (Лондон) посвятил свое исследование некоторым уточнениям топографического характера, относящимся к турецкому походу в Валахию при Мехмеде II. На основе анализа одного еще неопубликованного документа он доказывает, что „столицей“ Валахии, которую Мехмед II нашел окруженной тысячами трупов людей, посаженных на кол, была не Târgoniște, а Brâila. Эти коррективы топографического характера дают возможность нарисовать не-

сколько иную, чем это обычно принято, картину всего похода турок в Валахию.

Турецкий историк Халил Инальчик (Анкара) осветил в своем докладе результаты исследования обнаруженного им турецкого документа XV в. об экспедиции султана Баязета I в 1394 г. в Венгрию и Валахию.

Другой турецкий ученый П. Демирджиоглу (Истамбул) доложил о своей монографии, посвященной изучению истории правления императора Ираклия. Он остановился в докладе на итогах изучения им первых лет правления этого императора.

Бельгийский ученый Ф. Халкин (Брюссель) в своем выступлении обратил внимание ученых на необходимость изучения незаслуженно забытого, но весьма важного источника — Константинопольского синаксаря.

На заседании секции истории итальянский исследователь А. Пертузи (Милан) сделал сообщение о некоторых особенностях византийской историографии IV—XII вв.

Среди докладов, касающихся административного устройства византийской империи, следует отметить доклад немецкого историка Г. Бека о византийском „министре координации“, должность которого была посредствующим звеном между императором и чиновниками низших рангов.

Ряд докладов, прочитанных на конгрессе, был посвящен вопросам исторической географии и топонимики.

Немецкий ученый Г. Штадтмюллер (Мюнхен) остановился на исторической географии Пелопоннеса в турецкое время.

Египетский ученый Ш. Башатли (Каир) представил конгрессу составленную им карту христианского Египта, уделив особое внимание выяснению расположения епископий и монастырей.

В исторической секции наряду с ценными в научном отношении докладами были поставлены и доклады, отличавшиеся крайней узостью своей тематики. Примером этого может служить доклад молодого византиниста Ж. Теодоридеса (Париж) об императорских зверинцах в Константинополе. Сугубо „специальный“ характер носило и сообщение И. В. Ауфхаузера (Мюнхен) о том, „где находится подлинная гробница богоматери“, причем автору так и не удалось установить ее местонахождение. Отдельные доклады, прочитанные в исторической секции, имели реакционную направленность и были явно ненаучными по своему характеру. Так, например, в докладе профессора П. Губера (Рим) о „революции 602 года, ее причинах и последствиях“ широкое народное движение в Византии на рубеже VI—VII вв. изображалось исключительно как династический переворот: роль народных масс в событиях полностью игнорировалась докладчиком. Кроме того, автор всячески стремился доказать, что правление Фоки якобы имело лишь крайне отрицательные последствия для дальнейших судеб византийского государства, оттолкнуло от Византии население Сирии и Египта и способствовало успеху арабского завоевания.

На конгрессе было заслушано много докладов по искусству и археологии Византии и сопредельных с ней стран. Среди этих докладов также преобладали сообщения на узко специальные темы, вплоть до исследования о „старых византийских замках“. Однако некоторые сообщения представляли определенный научный интерес. Наибольшую ценность имели те доклады, которые содержали публикацию новых памятников или выдвигали принципиально новые точки зрения.

К первой группе следует отнести прежде всего доклад английского ученого профессора Д. Тальбот-Райса, об открытых им мозаиках Боль-

шого Дворца, датируемых V в. Эти мозаики являются не только одним из шедевров византийского искусства, но и ценным историческим источником, помогающим историку наглядно ознакомиться с сельским бытом и техникой сельского хозяйства в Византии того времени. О новых открытиях в Софии Константинопольской сообщил в своем докладе профессор П. А. Эндервуд (Вашингтон). Особое внимание среди открытых в этом храме мозаик привлекают орнаментальные мозаики VI в., включавшие в себя полуфигуры святых, изображения которых иконоборцы впоследствии заменили крестами, и фрагменты замечательных по силе эмоционального воздействия и колориту мозаик „Деисуса“ (IX в.).

Югославские ученые профессора Д. Коцо и Р. Милькович-Пепек посвятили свой доклад характеристике открытого ими памятника XI в. — базилике св. Николая в деревне Манастир в области Мариово в Македонии. В этой базилике сохранились фрески, датируемые 1271 г. Они являются ценным памятником, позволяющим выяснить некоторые стилистические особенности живописи XIII в.

Ко второй группе докладов, поднимающих новые важные вопросы, следует отнести прежде всего весьма ценный доклад югославского ученого профессора Дж. Бошковица (Белград) на тему: „Византийская археология в Югославии перед новыми проблемами“. Опровергая ошибочную точку зрения, сторонники которой настаивают на исключительно большом значении византийских влияний в сербском искусстве, профессор Дж. Бошковиц убедительно показал выдающуюся роль местных славянских традиций в процессе формирования и развития культуры сербского народа.

Значительный научный интерес представлял также доклад профессора Александра Соловьева (Женева) о символизме надгробных памятников богомилов и катаров, основанный на изучении главным образом новейших археологических находок в Югославии (преимущественно в Боснии).

Историк византийского искусства К. Вейцман (Принстонский университет, Нью-Джерси) на основе анализа миниатюр Серальского кодекса и их позднейших переработок доказал существование иллюстрированного Восьмикнижия еще ранее 256 г. н. э.

Югославский ученый А. Дероко (Белград) обратился в своих исследованиях к изучению жилых построек византийских городов и высказал интересные наблюдения об особенностях византийской городской архитектуры. Некоторых вопросов византийского „урбанизма“ коснулся также и французский историк византийского искусства профессор П. Лаведан (Булонь).

На пленарном заседании конгресса итальянский ученый Б. Паче (Рим) рассказал о своих новых исследованиях в области изучения такого выдающегося памятника византийского зодчества, как базилика Марии в Эфесе, в которой происходили Эфесские церковные соборы.

Значительное число докладов, прочитанных на конгрессе, касалось вопросов филологии и лингвистики. На заседании секции литературы немецкий ученый Иоганн Ирмшер (ГДР, Берлин) прочитал весьма содержательный и яркий по форме изложения доклад о развитии византиноведения в Берлине, уделив особое внимание вопросу изучения греческой филологии и изданию византийских источников в Берлинской Академии наук и Берлинском университете. Профессор И. Ирмшер подчеркнул, что научные традиции в области византиноведения сохраняются не только на юге Германии, где работал Карл Крумбахер, но

и на севере, в частности, в Берлине. Среди крупных ученых-византистов и специалистов по греческой филологии, истории и праву, работавших в Берлине в эпоху Просвещения, профессор И. Ирмшер упомянул Я. Вегелина, в XIX в. — Ф. Вилькена и Цахария фон Лингенталя. Берлинской Академии наук принадлежат немалые заслуги в продолжении издания Боннского корпуса византийских авторов (после смерти Б. Нибура), в издании трудов греческих христианских писателей первых веков новой эры. Берлинская Академия наук издает ряд специальных журналов, публикующих памятники византийской литературы и исследования в области византиноведения. Большое значение для изучения византийского и восточнохристианского искусства имеет собрание уникальных памятников в Берлинском музее императора Фридриха.

Среди многочисленных докладов, прочитанных на заседаниях секции литературы, особо выделялись доклады, посвященные описанию недавно открытых новых памятников византийской литературы, преимущественно агиографической.

Итальянский ученый Ч. Джаннелли (Рим) рассказал об открытом им в Ватиканской библиотеке ранее неизвестном науке метрическом календаре, приписываемом Феодору Протрому (Cod. Vat. gr. 1702). Эпиграммы, содержащиеся в этом календаре, порою рисуют картины большой художественной силы. Особый интерес имеет эпиграмма на папу Сильверия, отражающая политико-религиозные теории того времени.

Другой итальянский ученый Джузеппе Широ (Рим) дал в своем докладе описание и исследование неизданного канона Иосифа Гимнографа по наиболее древней рукописи Гроттаферрата, подчеркнув, что это произведение обогащает наши представления о сицилийской гимнографии.

Английская исследовательница Р. Вербур (Оксфорд) сообщила о результатах изучения рукописи трудов Дионисия Псевдо-Ареопагита, скопированной Робертом Гроссетесте, епископом Лиона (1235—1255 гг.). О неизданных греческих лингвистических текстах, обнаруженных в архивах Южной Италии, рассказал итальянский ученый О. Парлангелли (Наволи).

Исследование афинской рукописи Гесиода представил конгрессу итальянский ученый А. Пертузи (Милан).

О византийских папирусах, хранящихся в архивах Вены, сообщил австрийский ученый Г. Герстингер (Грац). Исследованию византийских папирусов под углом зрения выяснения их значения в развитии греческой филологии был посвящен доклад другого австрийского ученого филолога А. Штейнвентера (Грац).

Анализ неизвестных неолатинских топонимических названий, встречающихся в „Войне с готами“ Прокопия Кесарийского (*De bello Gothico*; III, 28, 7), был дан в докладе итальянского ученого Бруно Лаваньини (Палермо).

Новые данные о судьбах Александрийской библиотеки в VII в. содержались в докладе египетского ученого Феодора Москонаса (Александрия). Профессор Ф. Москонас, основываясь на данных источников, полагает, что Александрийская библиотека не была полностью уничтожена арабами в 642 г., а была частично вывезена византийцами во время перемирия с арабами в ноябре 641 г. — сентябре 642 г.

Ряд докладов, прочитанных как на пленарных заседаниях конгресса, так и на заседаниях секции теологии, был посвящен вопросам истории византийской церкви. Среди них особое внимание привлек доклад профессора Анри Грегуара (Брюссель) о „схизме“ Фотия, в котором он полемизировал с профессором Ф. Дворником. Большинство докладов

дов, прочитанных в секции теологии, затрагивало весьма узкие и сугубо специальные темы.

Советская делегация выступила на конгрессе с тремя докладами. 18 сентября на заседании секции искусства и археологии состоялся первый доклад советского делегата на конгрессе Д. В. Сарабянова на тему „К вопросу о взаимоотношениях древнерусского и византийского искусства“. На основании изучения большого фактического материала докладчик показал взаимосвязи и взаимные влияния древнерусского и византийского искусства, подчеркнув самобытность искусства Древнерусского государства и высокую художественную ценность произведений русских мастеров.

Доклад получил положительную оценку со стороны большинства ученых, присутствовавших на этом заседании. С замечаниями по докладу выступил, однако, профессор А. М. Амманн (Рим), высказавший ошибочную, но еще распространенную точку зрения, согласно которой византийское искусство якобы оказало решающее влияние на искусство Древней Руси. Развернутый ответ на замечания А. М. Аммана был дан Д. В. Сарабяновым и В. Н. Лазаревым. Основные тезисы доклада Д. В. Сарабянова поддержал также югославский ученый Дж. Бошкович.

20 сентября на заседании секции истории был заслушан доклад советского делегата З. В. Удальцовой на тему „Основные проблемы византиноведения в советской исторической науке“. В докладе была дана характеристика важнейших работ советских ученых в области изучения социально-экономической и политической истории Византии, идеологии и культуры византийского общества.

В прениях по докладу З. В. Удальцовой выступил видный бельгийский ученый, редактор журнала „Byzantion“, профессор Анри Грегуар. В своем весьма обстоятельном выступлении профессор А. Грегуар признал значительные заслуги русской науки в области византиноведения и дал высокую оценку работам советских византистов. Особенно положительно он оценил работы П. О. Карышковского, посвященные изучению Балканских походов русского князя Святослава, М. В. Левченко — по истории русско-византийских отношений, Н. В. Пигулевской — в области изучения взаимоотношений Византии со странами Востока, В. Н. Лазарева — по истории византийского искусства и З. В. Удальцовой — по вопросам взаимоотношений Византии и Запада в XIII—XV вв.

Профессор А. Грегуар высказал свое несогласие с советскими учеными в отношении понимания термина „феодализм“ и применения этого термина к истории Византии. В заключение А. Грегуар выразил большое удовлетворение по поводу участия советских ученых в работах конгресса.

21 сентября на пленарном заседании конгресса был заслушан доклад советского делегата В. Н. Лазарева на тему „Новые открытия в Софии Киевской“. Доклад сопровождался показом многочисленных диапозитивов и дал представление о значительном размахе реставрационных работ, проводимых советскими учеными в Софии Киевской. Доклад был прослушан с большим интересом и получил одобрение большинства ученых.

В ходе работы конгресса и во время многочисленных встреч в кулуарах советские делегаты установили тесный научный контакт со многими делегациями других стран и с отдельными учеными. Оживленный обмен мнениями по различным научным вопросам, в дружеской атмосфере

взаимного понимания и доверия, происходил между советской делегацией и делегацией Югославии (академик Г. А. Острогорский, профессора Дж. Бошковиц, А. Дероко, Д. Коцо, молодые ученые Франьо Баришич, Ядран Ферлуга, Мила Райкович и др.). Весьма дружеские отношения у нас сложились с профессором Димитром Ангеловым (Болгария) и профессором Иоганном Ирмшером из Германской Демократической Республики.

Тесный научный контакт установился между советскими учеными и известным датским археологом профессором Эйнар Диггве, профессорами Д. Тальбот-Райсом, Ф. Фольбахом, Мартином Винклером и многими другими.

Немало интересных бесед и споров на различные научные темы вели советские ученые и с „патриархом“ современного западноевропейского византиноведения Анри Грегуаром, а также с известным французским историком античности профессором А. Пиганьолем. В беседах с нами профессор А. Пиганьоль дал высокую оценку советского журнала „Вестник древней истории“, в котором печатаются ценные работы советских и зарубежных ученых.

Во время многочисленных бесед с зарубежными учеными выяснился их значительный интерес к трудам советских византистов и особенно к журналу „Византийский Временник“. Многие ученые различных стран просили организовать за рубежом подписку на „Византийский Временник“ и установить постоянный книгообмен в области византиноведческой литературы между научными учреждениями Советского Союза и других стран.

Большую роль в установлении научного контакта с зарубежными византинистами сыграла организованная советской делегацией выставка вышедшей в свет за последние годы в Советском Союзе научной литературы по византиноведению и истории Древней Руси. На выставке были представлены работы советских ученых в области изучения византийской истории, культуры, искусства, археологии, а также труды крупнейших советских исследователей (Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, М. В. Левченко и др.) по истории Древней Руси и ее взаимоотношений с Византией. Выставка открыла глаза некоторым ученым, слабо информированным о работах советских историков, на развитие нашей науки, в частности, показала достижения советских ученых в области византиноведения и изучения исторического прошлого нашей страны. Все выставленные нами книги были принесены в дар библиотеке Истамбульского университета.

Практическими результатами X Международного конгресса византистов явилось следующее:

1. Советский Союз вошел в Международную Ассоциацию византистов.

2. В. Н. Лазарев и Э. В. Удадьова были приглашены на заседания Оргкомитета этой Ассоциации, на которых, в частности, обсуждался вопрос о месте созыва ближайших конгрессов [следующий конгресс состоится в 1958 г. в Мюнхене, а затем через 2—3 года в Охриде (Югославия)].

3. Русский язык признан четвертым официальным языком конгресса.

4. Местом созыва одного из очередных конгрессов намечена Москва.

В свободное от заседаний конгресса время советская делегация знакомилась с Истамбулом и его памятниками. Неизгладимое впечатление

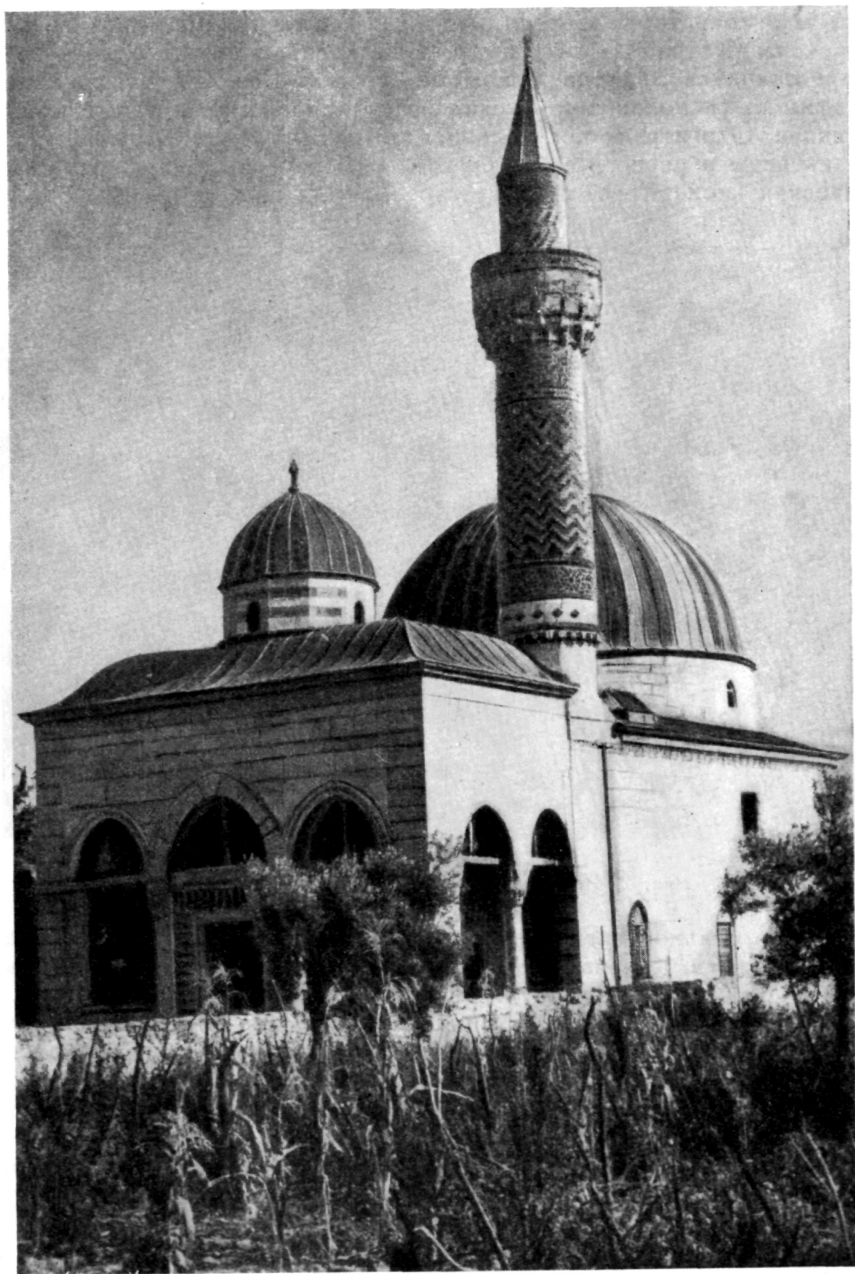

Рис. 1. Мечеть в Никее.

на нас произвело бессмертное творение византийских мастеров — знаменитый храм Софии Константинопольской. Кроме того, мы осмотрели такие прекрасные памятники византийского зодчества, как храмы Ирины, Пантократора, Сергия и Вакха, Фетив-Джами, церковь монастыря Хоры (Кахриэ-Джами) и др. Выдающийся научный интерес для нас представляли недавно открытые фрески IX—XIV вв. в капелле св. Евфимии, расположенной недалеко от ипподрома, а также мозаическая икона Одигитрии, перенесенная ныне из церкви Божьей Матери Паммакаристы в церковь св. Георгия на Фанаре, и хранящаяся там же мозаическая икона Крестителя, датируемая XI в.

Рис. 2. Развалины крепостной стены Никеи.

Наиболее сильное впечатление произвели на нас знаменитые мозаики начала XIV в. в Кахриэ-Джами. Зрелое мастерство, исключительная красота и свежесть колорита, экспрессивность изображений, — все это делает мозаики Кахриэ-Джами одним из наиболее выдающихся памятников византийской живописи в период ее последнего расцвета. Из других произведений византийских мозаичистов большой художественный и исторический интерес представляли для нас мозаики V в., украшавшие некогда полы многочисленных зал Большого Дворца в Константинополе. Эти замечательные мозаики были нам любезно показаны профессором Д. Тальбот-Райсом, производящим раскопки Большого Дворца — древней резиденции византийских императоров.

Много ярких впечатлений принесло нам и посещение Истамбульского Археологического музея, где мы любовались прекрасными творениями греческого гения, в первую очередь, превосходными памятниками античной скульптуры. Византийское искусство представлено в этом музее великолепными образцами пластики и несколькими фрагментами фресок.

Наше внимание привлек также отдел музея, в котором хранятся ценные произведения искусства древнего Вавилона и Ассирии.

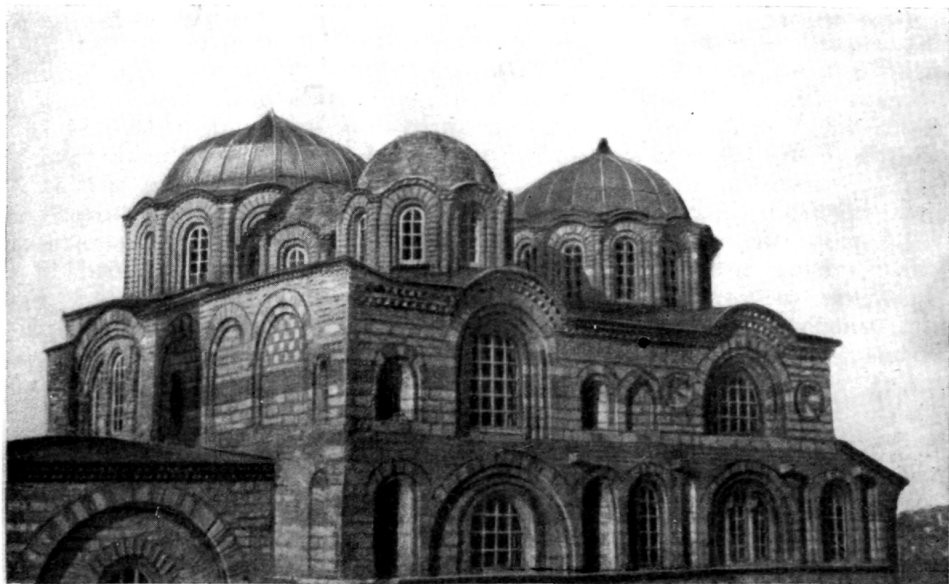

Рис. 3. Истамбул. Фетие-Джами.

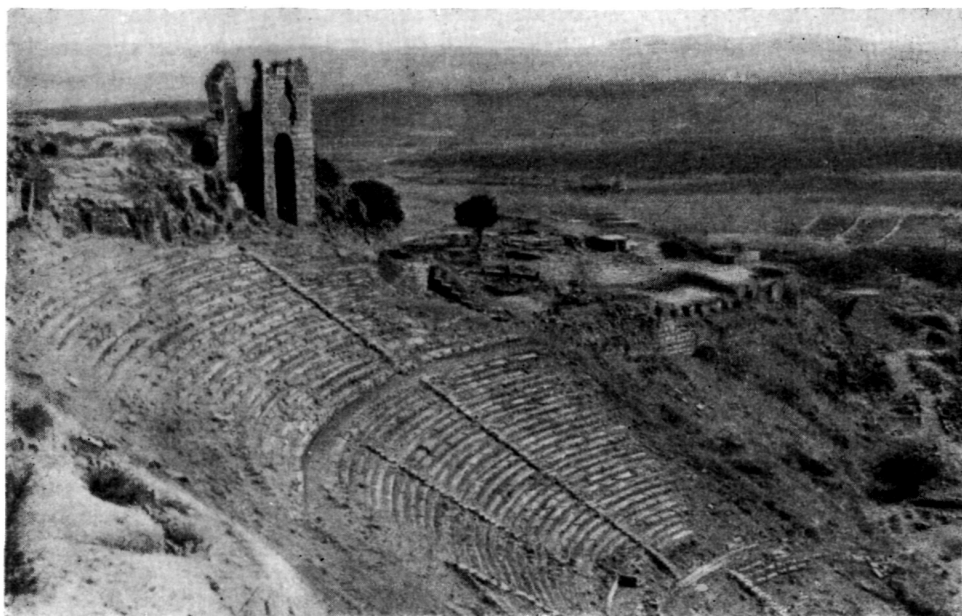

Рис. 4. Развалины театра в Пергаме.

Рис. 5. Пергам. Асклепион (Галерея).

Рис. 6. Базилика св. Иоанна в Эфесе.

Познакомившись с наиболее интересными византийскими памятниками Истамбула, мы совершили небольшую экскурсию по Босфору и на Принцевы острова. После торжественного закрытия конгресса для ученых, прибывших в Истамбул, были организованы две экскурсии по Малой Азии. Советская делегация приняла участие в экскурсии по Западной Анатолии. Эта экскурсия длилась 6 дней (22—27 сентября). Переправившись на азиатский берег и прибыв на пароходе в порт Ялова, мы далее отправились на автобусе в Никею — древнюю столицу Никейской империи. По пути экскурсанты любовались исключительно живописным пейзажем Никейского озера в рамке оливковых рощ.

В Никее мы осмотрели древние стены и городские ворота, базилику, где происходил Никейский собор 325 г., с грустью взглянули на развалины храма Успения, под которым безвозвратно погребены дивные мозаики VII в. Из Никей мы отправились в Бурсу — древнюю Бруссу, столицу османов. После ночевки в Бурсе наш путь лежал в Измир (Смирну). По дороге мы посетили Магнезию и осмотрели превосходные произведения античной скульптуры, хранящиеся в ее небольшом музее.

Из Измира, где была сделана трехдневная остановка, мы отправились в Эфес и Пергам.

В Эфесе огромное впечатление произвел на нас общий вид развалин античного города, руины знаменитого храма Сераписа с его ныне поверженными колоссальными колоннами, остатки большого театра на 24 500 зрителей, древняя библиотека, под развалинами которой хранится саркофаг с прахом ее основателя, руины Артемизия (храма Артемиды), гимнасий, стадион, агора, Одеон, термы и многие другие памятники античного времени. Из византийских памятников Эфеса большой научный интерес для нас представляли церковь св. Иоанна, датируемая временем правления императора Юстиниана (527—565) и базилика Марии, где происходили церковные соборы. В Пергаме мы осмотрели руины античного театра, Асклепион, побывали на Акрополе и ознакомились с остатками жилых кварталов города и многими памятниками греческого зодчества. В Эфесе, Пергаме и Измире (Смирне) мы посетили музеи античного искусства, в которых хранятся редкие произведения греческой скульптуры, зачастую мало известные даже узкому кругу специалистов.

Осмотрев на обратном пути памятники мусульманского искусства в Бурсе, мы возвратились в Истамбул, а затем и в Москву.

Нет сомнения, что участие советских ученых в работе периодически созываемых международных конгрессов византистов внесет ценный вклад в дело развития научных связей между нашими и зарубежными исследователями и будет способствовать разрешению многих еще неразработанных проблем современного византиноведения.

Э. В. Удальцова